

## Михаил Иоффе Возвращение

Это был особенный день в жизни Тэла. Сегодня он становился свободным.

Трудно было себе представить ферму без Тэла, никто не помнил, сколько он работал здесь. Тэл был старый, очень старый раб, он работал ещё при отце хозяина. Собственно, когда хозяин родился, Тэл уже был здесь, его привезли мальчиком, а теперь он стал стар и не мог обрабатывать больше пяти овец подряд, поэтому его отпускали. Тэл был самым известным рабом в округе. Большинство рабов не выдерживали долго такой жизни, они умирали или сходили с ума, и никто ещё не доживал до старости. Хозяин гордился своим рабом, многие приезжали к нему на ферму специально, чтобы посмотреть на Тэла, а когда тот стал старым, хозяин не знал, как ему лучше, с меньшими муками, убить его. Но выяснилось, что есть закон, запрещающий убивать рабов. Хозяину это не понравилось, но спорить с Советом он не хотел и решил отпустить Тэла.

Тэл встал рано утром под крики надсмотрщиков. Сегодня это было особенно рано, солнце ещё не взошло. Все рабы побежали в конюшни, стали готовить лошадей, повозки. Сегодня был большой выезд: семья хозяина выезжала в город. Покупки, игры, посещение наместника. Хозяин не любил эти совместные поездки и отпускал семью, а сам отправлялся в город один. Жена долго упрашивала его ездить вместе, но потом перестала и выезжала только с детьми.

Незадолго до сегодняшнего дня хозяин подошёл к Тэлу, когда он раскладывал вместе с другими рабами мясные туши, и сказал ему:

– Посмотри на эту бумагу.

Тэл стал смотреть. Читать он не умел, но хозяин сказал смотреть, и поэтому Тэл, не отрываясь, смотрел на неё.

– Она тебе нравится? – спросил хозяин и широко улыбнулся.

Тэл и рабы тоже широко улыбнулись.

– Красиво я её написал? – спросил он ещё раз.

Рабы не имели права разговаривать с хозяином, поэтому Тэл только улыбался.

– Красиво, правда? – хозяин рассмеялся и от удовольствия ткнул Тэла в грудь.

От боли Тэл на мгновение перестал видеть, но, когда пришёл в себя, засмеялся вместе с остальными рабами. Это был закон на ферме: рабы всегда должны были копировать настроение хозяина. Тех, кто этого не делал, надсмотрщики били, а бить они умели жестоко. Поэтому это правило все усваивали быстро, как, впрочем, и все остальные правила.

– Ты знаешь, что это за бумага? Это указ о твоей свободе. Ты больше не можешь быть рабом, потому что ты стар. Через три дня ты возьмёшь эту бумагу и уйдёшь отсюда навсегда, понятно?

Хозяин быстро развернулся и ушёл. Какое-то время было тихо. Это было неслыханно – раб становился свободным. Такого не помнил никто. Даже надсмотрщики молчали и пытались понять, что произошло. Но вскоре засвистел кнут старшины: «Работать! Работать!». Все очнулись. Лица рабов были застывшими, как будто ничего не случилось.

«Я буду свободным, что это? – думал Тэл, оттаскивая прогнившую тушку в сторону, – что я буду делать, куда я пойду?»

Десятки лет Тэл работал на ферме. Каждый день, с утра до вечера. Он вставал под крики надсмотрщиков и ложился под их приказы. Появлялись и исчезали новые рабы, появлялись и исчезали новые надсмотрщики, хозяин вырос из мальчика во владельца фермы, и только Тэл оставался здесь всегда. Он был самым сильным и самым ловким. Ему поручали самые сложные виды работы. На него смотрели другие рабы, их он обучал правилам. Работа продолжалась целый день, трижды рабы прерывались на короткое время, чтобы поесть, но каждый перерыв сопровождался криками надсмотрщиков: «Быстрее! Быстрее!» Всё остальное время было занято работой – стрижка овец, разделывание туш, уборка фермы, уход за лошадьми и многое другое. К концу дня раздавался приказ идти спать. В бараке по углам стояли четыре надсмотрщика, которые следили, как рабы засыпают. Спать можно было только на спине, чтобы видны были лица рабов. Когда они ложились в кровать, то сразу должны были закрывать глаза и засыпать. Если надсмотрщики видели, что чьё-то лицо или тело двигается, то они поднимали раба и били его. На следующий день он должен был работать, как все, и никого не волновало, сколько он спал. Утром им давали возможность умыться, но при этом можно было только плескать воду на лицо. Вода лилась из трубы сверху, и нельзя было собирать её в руки, раба вообще запрещалось смотреть в воду, он не должен был видеть своё лицо. После этого они шли на работу. Раз в неделю их ставили под сильную струю, давали мыло и разрешали помыть всё тело.

«Что такое быть свободным?» – подумал Тэл.

Тэл ничего не помнил, что с ним было до того, как он появился на ферме, он был слишком мал. Ничего, кроме одного эпизода. Незадолго до того, как его схватили, отец позвал его и сказал:

– Идёт враг, он очень силён, очень, и я не знаю, что будет с нами. Чтобы с тобой не случилось, если тебя схватят, ты должен запомнить дорогу, по которой тебя будут везти.

– Хорошо, – сказал Тэл.

Отец схватил его за плечи и сильно тряхнул.

– Ты должен запомнить дорогу, ты понял меня? – закричал он.

– Да я понял, я запомню.

Но отец крепко держал его и повторял снова и снова:

– Ты должен... Ты должен... Ты должен...

Тэл смотрел в глаза, ему было страшно, он хотел плакать, но он только повторял: «Да, папа, я запомню, папа», – пока в один момент он не закричал: «Да-а-а». Отец ослабил хватку, крепко обнял его и, не сказав больше ни слова, вышел.

Больше Тэл его не видел и вскоре был схвачен. Это было давно, очень давно, он не помнил ни отца, ни своего имени, но дорогу он запомнил. *«Два дня на лошадях вдоль реки, направо к лесу, один день вдоль леса, две высокие горы, перейти между ними, три дня по ущелью и справа будет их село»*. Эти слова он повторял про себя каждый день, когда работал, когда ложился спать и закрывал глаза и когда просыпался, он повторял их, не задумываясь, бесчисленное количество раз, не понимая зачем, но в минуты боли и тяжести они приносили ему облегчение. Вот и всё, что он помнил. Нет, ещё одно, ещё одно слово – «Кузурта». Он не знал, что оно значит, просто оно сидело у него в голове, и он иногда мысленно произносил его.

«Может, быть свободным, это когда у тебя есть рабы?» – подумал Тэл.

Тэл рос на ферме, сначала выполнял лёгкие виды работы, которые затем становились всё тяжелей и тяжелей. Отец хозяина сначала обращался с ним, как с игрушкой, и был снисходительным. Один раз Тэл играл с самим хозяином, когда тот был ещё совсем маленьким, только начинал ползать. Но потом из него стали делать раба. Тэл не хотел, но его били несколько раз, и он познал страх и усвоил Правила. Он перестал улыбаться и ходить просто так по ферме, на каждое действие он ждал приказа, он не смотрел на воду и копировал настроение хозяина, он засыпал на спине недвижимый и застывший. Так Тэл стал рабом. Но только одно он не забыл – Дорогу. *«Два дня на лошадях вдоль реки, направо к лесу, один день вдоль леса, две высокие горы, перейти между ними, три дня по ущелью и справа будет их село»*. И ещё слово «Кузурта».

*«Когда я стану свободным и не будет надсмотрщиков, как я буду знать, когда вставать и ложиться спать, и где я буду спать?»* – подумал Тэл, и ему стало страшно.

Шли годы, Тэл стал взрослым. Он был удивительно силен и ловок. Многие приходили смотреть на его работу, и не только на работу. Он замечал, что и жена хозяина внимательно рассматривала его издали. Однажды на ферму привезли новую партию рабов, и среди них была одна молодая рабыня. Когда Тэл увидел её, он вздрогнул, и весь день пытался понять, что же случилось. Рабыня помогала хозяйке и работала на уборке усадьбы. Однажды, вынося мусор, она проходила мимо Тэла и коснулась его руки. Тэл быстро обернулся, но она уже шла дальше, не оборачиваясь. Это был ожог: огонь жёг его, охватывая всё тело. В этот день он работал ещё быстрее, и хозяин был очень доволен. С тех пор Тэл стал замечать её частые взгляды, ему тоже было приятно смотреть на неё. После того, как она уходила, ему становилось тяжело. Он не знал, что делать, но Рока – так звали девушку – была мудрее его. Как-то он принёс в усадьбу корзину продуктов, и она, улучив момент, подошла к нему и сказала: *«Попроси хозяина, чтобы мы были вместе»*. Тэл ушёл ошеломлённый. *«Как это вместе? Зачем?»* – недоумевал он, но чувствовал, что тоже хочет быть рядом с нею, быть как можно дольше, и он решил довериться Роке.

Раб не мог говорить с хозяином, но он мог говорить с надсмотрщиками. Тэл подошёл к старшине и сказал:

– Я прошу, чтобы хозяин разрешил мне быть с Рокой.

Старшина расхохотался так, что стал красным. Он хватался за живот, смех душил его. Он решил тут же рассказать об этом хозяину. Хозяин сначала удивлённо взглянул на старшину, не шутит ли он, потом тоже рассмеялся. *«Дети рабов, – подумал он, – а ведь этого нет ни у кого. Мне и так все завидуют, я самый богатый в деревне, а если у меня появятся ещё и дети рабов, они поймут, что я настолько богат, что могу выкормить одного-двух рабишек. Рабишки, рабишки»*, – ему понравилось это слово.

– Иди и скажи Тэлу, что я согласен, я выделю Роке угол, пусть приходит к ней иногда.

Тот удивлённо вскинул брови.

– Ты что, не понял меня?

Старшина поклонился и вышел.

Когда Тэл услышал ответ, он даже не удивился, он понял, что Рока знает что-то такое, что ему недоступно. Он передал Роке ответ хозяина, она засмеялась. Тэл тоже засмеялся и не мог оторваться от её лица, они смеялись, и он слушал её смех. Старшина стоял рядом и не знал, что делать, всё это было необычно.

– Работать, – рявкнул он наконец, и они разошлись.

– Приходи ко мне ночью, я кое-чему научу тебя, – сказала она ему уходя.

Тэл опять доверился ей, он работал и ждал, работал и ждал. Когда прозвучал приказ спать, он пошёл в её угол, во дворец. Старшина проводил его злым взглядом.

Рока тоже шла к себе, но на её пути встал хозяин.

– Перед тем, как пойти к себе, зайди ко мне, – она просила его глазами пропустить, но он вспыхнул, и ей пришлось покориться.

...Когда она вышла от хозяина, то побежала в свой угол, но на её пути встал старшина.

– А ты красивая, Рока, – и, не дав закричать, схватил её. После он позвал надсмотрщиков...

Тэл ждал её всю ночь, но она не пришла.

Утром он вышел на работу. Вскоре он услышал крик хозяйки, затем хозяина. Они кричали друг на друга, затем хозяин кричал на старшину, тот оправдывался. Один раб толкнул Тэла и показал ему на канаву за домом. Тэл, невзирая на надсмотрщиков, кинулся туда и увидел Року. Он закричал, тут к нему подскочили надсмотрщики, схватили его и потащили обратно. «Работать! Работать!» – кричали ему, но он не двигался. На крик вышел хозяин, он подошёл к Тэлу и улыбнулся. Все остальные рабы тоже осклабились, но тот продолжал стоять, как прежде. Хозяин нахмурился, все остальные тоже сомкнули брови, и тут Тэл снова закричал. Он кричал, когда его повалили на землю, когда били, пока темнота не схватила его и не унесла в никуда.

«М-м-м-м», – вырвалось у Тэла от воспоминаний.

Он выпрямился и закрыл глаза. Надсмотрщик тут же подскочил к нему: «Работать! Работать!» – и взмахнул кнутом. Это был младший надсмотрщик, и кнут был у него простой, без стальных звёздочек. Тэл наклонился и продолжил.

Тэл очнулся в бараке. Он лежал на груди какого-то тряпья. Было очень больно. Он вспомнил всё и хотел снова закричать, но побоялся. «*А разве не всё равно?* – подумал Тэл. – *Сколько таких рабов прошло перед ним? Рано или поздно, это должно было случиться.*»

«*Настало моё время уходить,*» – подумал Тэл, но что-то важное сидело в нём и не отпускало. Он захотел встать, но, пронзённый тысячами иголок, снова потерял сознание. Второй раз он очнулся днём и почувствовал себя лучше. Он лежал, не понимая, что ему делать, недоумевая, почему он открыл глаза. «*Надо повторить дорогу,*» – вдруг возникла у него мысль. В следующий момент он застыл, и глаза у него остановились... Он понял, что забыл её. «*Горы, лес ...*», но всё это было беспорядочно и нескладно. «*Я забыл дорогу, нет-т-т-т,*» – его кулаки сжались. «*Один день по лесу, нет, два дня или вдоль реки, не помню.*» Он совсем открыл глаза, голова сильно болела. «*Надо вспомнить, я должен вспомнить.*»

Вдруг кто-то закричал над ним:

– Очнулся, бездельник? Ты почему здесь? Иди стричь овец.

Тэл встал и, покачиваясь, вышел. Рабы обернулись к нему, но тут же защёлкали кнуты, и все повернулись обратно. К Тэлу подошёл хозяин и улыбнулся. Раб сжал зубы и раздвинул губы. Хозяин засмеялся, и Тэл тоже замычал что-то похожее на смех. Хозяин засмеялся во весь голос, и Тэл тоже схватился за бока и стал издавать похожие звуки. Все рабы вокруг покатывались со смеху. Хозяин внезапно смолк, и стало тихо.

«*Почему ты выжил?*» – спросил он сам себя, и не спеша пошёл обратно.

У Тэла ныло всё тело и сильно стучало в голове. Глаза иногда застилало пеленой, но он так хорошо знал свою работу, что мог делать её и вслепую. Ножницы щёлкали быстро и аккуратно.

*«Надо вспомнить, надо вспомнить, сначала вдоль реки, да, точно, вдоль реки, сколько дней – один, два, три? Потом лес, два дня, по горе, нет, по двум горам, между двумя...»*

Он вспоминал дорогу снова и снова, от начала до конца, и чувствовал, что что-то не так, что-то не совпадало с тем, что он повторял ранее бессчётное количество раз. Он вспоминал дорогу во время работы и когда закрывал глаза ночью. Потом Тэл догадался, что нужно перечислить все возможные пути. Он менял направление и количество дней и однажды ночью повторил её правильно, он почувствовал это. Да, именно так, вспомнил, вспомнил! Он повторял ещё, ещё и ещё и чувствовал, что всё правильно. Ему стало хорошо, он захотел улыбнуться, но побоялся, он только шептал и шептал её про себя. Больше он её забыть не сможет.

Тэл закончил работу и вышел со склада. У него была минута отдыха. Он улыбнулся. *«Как давно это было, как здорово, что я тогда догадался вспомнить»*. Он зажмурил глаза и мысленно произнёс: *«Два дня на лошадях вдоль реки, направо к лесу, один день вдоль леса, две высокие горы, перейти между ними, три дня по ущелью и справа будет их село»*.

Потом хозяин умер и пришёл новый хозяин, его сын. Это был сильный человек и воин. Даже став хозяином, он уходил на войну и приводил новых рабов. Впрочем, Тэлу было всё равно, его это не касалось, он лишь обучал новых рабов правилам и делал свою работу. Вскоре на ферме появилась хозяйка, все говорили, что она очень красива, но Тэлу тоже было всё равно. Его не тянуло взглянуть на неё, даже наоборот, когда она оказывалась рядом, он старался отвернуться и быстро уйти. Он часто захаживал в усадьбу, приносил продукты, дрова и прочие вещи. Хозяин и хозяйка не ладили друг с другом и часто ругались. Как-то раз Тэл застал их во время ссоры, они кричали особенно сильно, никто не хотел уступать, и с каждой фразой крики были всё сильнее.

– Я тоже хочу иметь немного счастья, – крикнула хозяйка и увидела Тэла.

Хозяин резко обернулся, его лицо было страшно, ноздри раздуты, глаза сверкали.

– Что ты здесь делаешь, раб? – закричал он.

Тэл попятился, он не мог говорить с хозяином, но показал на груды дров, которую только что принёс.

– Ты не должен был это видеть и слышать, – продолжал хозяин.

Он быстро вышел из комнаты и вернулся с флаконом в руках. Тэл побледнел, он догадался, что это за флакон. Иногда его давали рабам. Это было средство от памяти. Тот, кто принимал его, забывал, что с ним было за несколько дней до этого, хотя никто точно не знал, что он забывал и сколько. Тэл затрясся: только не это...

– Иди сюда, – орал хозяин.

Тэл покачал головой. Хозяин зашипел и шагнул к нему. И тут на Тэла сошло нечто. Он мычал, качал головой, показывал на дрова и печку, закрывал себе глаза и уши, и так до тех пор, пока хозяйка не закричала:

– Хватит, всё, прочь отсюда!

Хозяин удивлённо смотрел на Тэла. Тэл смотрел на него, потом медленно обернулся и вышел из усадьбы. Его никто не остановил. До самой ночи и потом ещё много дней Тэл боялся, что о нём вспомнят, но хозяин не позвал его. И только одно он не понял, что хотела ещё иметь хозяйка, чего у неё ещё нет. *«Что это – счастье...?»*

Тэл снова подумал о словах хозяйки. Почему она кричала об этом, когда они ссорились? Может, счастье – это ...

«Иди загоняй овец», – неожиданно из-за спины рывкнул надсмотрщик. Он вздрогнул и пошёл.

*«Скоро я буду свободным и смогу стоять и думать, сколько захочу. Это хорошо. Я буду как хозяин, как надсмотрщики. Но что я буду делать? Давать приказы рабам? Хочу ли я этого? Нет, не хочу. А что ещё делают свободные люди? У меня нет фермы, нет рабов. Но я буду как они, и меня никто не сможет бить. Я стану свободным, как Рока, только её нет, а я живой».*

Он вспомнил Року неожиданно для себя. Он давно не помнил её лица, но её смех по-прежнему звучал у него внутри. Правда, он уже не был уверен, что это её смех. *«Но если я могу быть живым и свободным, почему столько лет я был рабом? – обожгло его. – Почему я столько лет слушал приказы, почему у меня забрали Року? Значит такой порядок».*

И вот наступил этот день – день большого выезда. Хозяйка со всей семьёй и рабами уезжала в город, надсмотрщики получали день отпуска, ферма пустела. Только хозяин оставался один, он любил оставаться один, и никто не знал, чем он занимается в это время. Все эти дни Тэл думал, что ему предстоит. Он с удивлением обнаружил, что уже не боится свободы, он представлял себе, как впервые заговорит с хозяином. Он очень хотел сказать ему, что видел его ещё младенцем, что помнит его отца. Он не держал зла на хозяина, просто раньше он был рабом, а рабу полагалось жить так, как он жил. С надсмотрщиками он разговаривать не хотел, а с рабами не имел права. Он запрягал лошадей, когда хозяин окликнул его. Он понял, что это произойдёт сейчас. Хозяин был хмур, он протянул ему бумагу.

– Ты свободен, можешь идти куда хочешь.

Все остановились – рабы, надсмотрщики, хозяйка – все глядели в его сторону. Это разозлило хозяина, он побледнел. Тэл взял бумагу и улыбнулся. Он улыбнулся, хотя хозяин был хмур. Хозяин развернулся и быстро пошёл прочь.

– Хозяин, – крикнул Тэл. Тот остановился, медленно развернулся и пошёл к Тэлу.

– Как ты смеешь разговаривать со мной? – процедил он сквозь зубы.

Вокруг стало тихо.

– Но ведь я теперь свободен, – произнёс Тэл, улыбаясь ещё шире.

– Прочь отсюда, – закричал хозяин.

– Я хочу сказать, что видел вас ещё... – он не успел закончить фразу. Хозяин сбил его с ног, налетели надсмотрщики и стали избивать его кнутами. Хозяин дал приказ остановиться.

– Прочь, – сказал он.

Тэл встал, он весь дрожал, никогда ещё ему не было так больно, он не был готов к этому, он ничего не понимал. Порядок жизни, который он построил себе, рухнул. Он взял бумагу и пошёл с фермы. Один из надсмотрщиков хотел подтолкнуть его, но Тэл так взглянул на него, что тот остановился, испугавшись взгляда. Этот взгляд был ему непонятен. Тэл ушёл с фермы, и приготовления возобновились. Хозяин бегал всюду и лично подгонял рабов, хозяйка смотрела на него злым взглядом, но молчала, потому что знала, что связываться с ним сейчас нельзя. Наконец, всё тронулось с места. После того, как повозки ушли со двора, сели на лошадей и ускакали надсмотрщики. Стало тихо.

Хозяин стоял с закрытыми глазами, уйдя в себя. Как он любил эту тишину, он старался поймать её всем телом и запомнить. Его лицо дрогнуло, когда ему послышался чей-то голос, но он продолжал стоять.

– Хозяин, – снова услышал он.

Резко обернувшись, он увидел Тэла.

– Что? – вырвалось у него, но он тут же согнулся от удара.

Тэл ударил ещё раз, потом ещё, а потом бил без остановки, глядя перед собой в пустоту, бил до тех пор, пока хозяин не повалился безжизненно ему на руки. Он вырвал руки, и хозяин упал на землю. Тэл долго смотрел на него, потом пошёл на бойню, взял нож для забоя скота и вернулся. Хозяин пришёл в себя, но не мог двинуться. Из рта у него текла струйка крови. Он смотрел на Тэла. Тэл поднял нож и занёс его над хозяином. Но опустить его не смог. Во взгляде хозяина было что-то такое, что Тэл понять не мог. В его глазах не было страха. Тэл оскалил зубы, зарычал и снова поднял нож. Но хозяин продолжал спокойно смотреть на него, его губы даже слегка искривились в ухмылке.

*«Почему он не боится? – подумал Тэл. – Почему он не дрожит?»*

Они смотрели друг другу в глаза.

*«Я знаю почему, – понял Тэл, – потому, что он свободный. Но я должен его убить. За то, что он убил Року; за то, что он бил меня, когда я стал свободным; за то, что я боялся...»*

Он резко взмахнул ножом, ему осталось только опустить его, как он опускал его тысячи, десятки тысяч раз за свою жизнь, но он опять не смог сделать этого. *«Почему я не могу убить его? – удивился Тэл. – Мне нужно только опустить нож, но я не могу».* Он бросил нож, подумал, схватил хозяина под руки и потащил в усадьбу. Он поднёс хозяина к его комнате и бросил на пол. Затем взял кувшин и налил стакан воды. Он знал, что это за вода. Хозяин захрипел и попытался встать, но Тэл схватил его мёртвой хваткой. Он с силой зажал ему нос и, когда хозяин стал задыхаться, влил ему стакан. Глаза хозяина закатились, и он обмяк. Тэл положил его на кровать. Это было средство от памяти.

Тэл оглянулся вокруг. Он один во всей усадьбе – мог ли он представить себе это? Он обходил залы, гостиные, комнаты детей, комнату хозяйки. *«Что это?»* – от неожиданности Тэл согнулся, у него застучало в груди. Прямо на него смотрел человек. Тэл никогда не видел его раньше. Он слышал, иногда рабы говорили, что в усадьбе находится неизвестный раб, но не верил этим рассказам, и вот теперь он увидел его. Этот раб был страшен. Он был очень силен, его тело и руки были огромны, лицо омерзительно. Всё испещрённое бородами, глаз почти не видно, редкие волосы, впалые щёки, но зубы были крепки. Всё лицо было покрыто пятнами сине-красного цвета. *«Надо побегать за ножом, – мелькнуло у Тэла, – нет, не успею, от него мне не убежать. Что делать, не знаю...»* Тэл стоял, боясь сдвинуться с места, но и тот, другой, тоже стоял и изучал его. Тэл скосил глаза на его руки и ноги, в руках у него не было ничего. Он посмотрел на его пальцы, примериваясь к борьбе, и вдруг на запястье увидел такое, что от удивления вздрогнул. Это была большая треугольная родинка. Эту родинку он видел множество раз, он видел её каждый день... это была его родинка. Тэл непроизвольно дёрнул рукой, и тот, другой, тоже дёрнулся. *«Этого не может быть», – пронеслось у Тэла в голове.* Он стал покачивать руками, головой, и раб отвечал ему тем же. *«Так это же я!»* – догадался Тэл. Он ещё раз посмотрел на себя. В глазах он увидел испуг и жестокость, ноздри были раздуты, рот всё время двигался, словно произносил какие-то проклятья, пальцы были растопырены. *«Так вот я какой», – прохрипело у него внутри.*

В комнате хозяйки было светло и красиво. Воздушные занавески, яркие блестящие покрывала, скульптурки, какие-то флаконы. Ему нравилось здесь, но как он ни старался, его всё время тянуло посмотреть на то место, где он видел себя. Наконец, он подошёл и посмотрел себе в глаза, смотрел и не мог оторваться. В какой-то миг он перестал ощущать

себя и унёсся далеко. Вначале это были какие-то неясные ощущения и краски, но вдруг чёткая картина вспыхнула у него перед глазами.

Он увидел себя маленьким, рядом с ним стоял мужчина. Тэл понял, что это его отец. Отец был силён, к нему постоянно подбегали воины, он давал им указания, они были испуганы, а отец весел. Тэл ощущал этот могучий смех. Потом он увидел его на коне, отец ехал и смеялся, а все его приветствовали. Картина была столь сладостной, что Тэл застонал, когда она прервалась. Он стоял оглушённый, переживая увиденное. *«Я всё понял, теперь я всё понял! Я понял, почему я свободный и живой и почему я победил хозяина. Он был сильный и всё делал правильно, кроме одного – он не убил меня, и поэтому я победил. Но он не знал, он не знал, что я – сын Вождя. Мой отец был Вождём там, где я жил, и мне было хорошо там, где я жил, у меня было то, чего нет у хозяйки – я был счастлив».* Он снова посмотрел на себя. *«Как же звали меня?»* Он приблизился к зеркалу и не увидел ничего, кроме глаз и лица, он приблизился ещё и увидел свой чёрный зрачок, а в нём – своё отражение, он старался не замечать своего безобразного лица, а хотел только раствориться в этом зрачке, который захватил его и не отпускал. Он ещё ближе подошёл к зеркалу. По телу прошёл озноб. Две чёрные точки, казалось, дышали и пульсировали. Ещё ближе. Два зрачка слились и образовали один чёрный туннель, уходящий в бесконечность. Он стоял у входа, но войти в него не мог. Нет, ничего не помогало, он не знал, как его зовут. Перед глазами ещё стояли картины пережитого, сердце стучало, он весь был возбуждён. *«У меня сегодня другое тело»,* – подумал он и пошёл к выходу.

Тэл вдохнул свежего воздуха. *«Я должен увидеться с отцом, – понял он. – Я должен найти его. Я помню Дорогу, он говорил мне, чтобы я запомнил её, и я её помню. Прошло много лет, но реки и горы не меняются, а как растут деревья и ходят лошади, я знаю, я найду её. А если отец погиб или умер... нет, этого не может быть, он очень сильный, я найду его, он ждёт меня. Надо идти».*

Он повернулся в сторону гор и пошёл быстрым шагом по той самой Дороге. *«Два дня на лошадях вдоль реки, направо к лесу, один день вдоль леса, две высокие горы, перейти между ними, три дня по ущелью и справа будет их село».* Он пошёл по ней, чтобы прийти в ту страну, где говорят слово «Кузурта», чтобы найти тот народ, Вождём которого был его отец, чтобы поселиться в доме, где он был когда-то счастлив.